

В. К. КОСС

МАМА ВСЕ РЕШИЛА ЗА МЕНЯ

В.К. Косс

Мама все Решила за Меня

<https://litres.ru/74525544>

SelfPub; 2026

Аннотация

В день своего тридцатипятилетия архитектор Александра Ветрова должна была получить большой контракт. Вместо этого мать объявляет о ее свадьбе, переезде в Сочи и новой должности — все уже решено без единого вопроса к самой Александре.

Отказав жениху перед гостями и покинув семейное бюро, Александра начинает с нуля в команде принципиального архитектора Константина Артемьева. Им предстоит отстоять старый кинотеатр «Орбита», выдержать борьбу с сильным конкурентом и научиться работать рядом, не присваивая друг другу право выбора. Но Константин тоже привык спасать проекты и людей, сначала принимая решение и только потом сообщая о нем.

Чтобы построить собственную жизнь, Александре придется отделить благодарность от долга, любовь от контроля, а настоящее партнерство — от красивых обещаний. И решить самой, кому можно дать второй шанс.

Содержание

Глава 1. Назначенная свадьба	4
Глава 2. Мой ответ — нет	14
Глава 3. Без рекомендации	31
Глава 4. Свое имя	47
Глава 5. Цена фасада	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

В.К. Косс

Мама все Решила за Меня

Глава 1. Назначенная свадьба

— В семь будь в «Галерее». И, пожалуйста, надень синее платье.

Александра отодвинула от себя план четвертого этажа и посмотрела на телефон, хотя голос матери шел через динамик и смотреть там было не на что.

— Мы договорились поужинать в восемь.

— Я перенесла на семь. Павлу утром лететь в Сочи.

— Ты могла спросить.

— Спрашиваю сейчас. Ты успеешь?

До семи оставалось пятьдесят три минуты. От офиса до ресторана в пятницу можно было ехать сорок, а можно полтора часа. Синее платье висело дома.

— Нет, — сказала Александра. — Приеду к восьми в том, в чем сейчас.

В трубке возникла короткая тишина. Ирина Викторовна никогда не повышала голос из-за одежды, опозданий или сорванных договоренностей. Она умела произнести паузу так, что человек сам перечислял все свои недостатки.

— Хорошо, — ответила мать. — Тогда хотя бы приче-

шись.

Связь оборвалась.

Александра положила телефон рядом с линейкой. В темном окне переговорной отражались стол, лампа и ее волосы, собранные карандашом. Карандаш действительно стоило вынуть. Все остальное выглядело нормально: серые брюки, белая рубашка, длинный жилет. В таком виде она провела две встречи с заказчиком и убедила его не сокращать ширину общего коридора ради еще одного кабинета. На ужине с шестью близкими людьми одежда тоже не должна была вызывать катастрофу.

На экране компьютера мигнуло напоминание: «Отправить узлы фасада Павлу».

Она открыла папку проекта «Морской парк». Рабочая группа третий месяц считала комплекс апартаментов в Сочи, хотя договор еще не был подписан. Павел Серов говорил, что подпишет, как только совет партнеров утвердит финансовую модель. Ирина Викторовна просила не давить на него бумажной волокитой. Александра дважды напоминала, что до договора бюро выполняет работу за собственный счет, потом перестала спорить и ограничила команду эскизной стадией.

В письме Павлу она написала: «Направляю материалы для обсуждения. Не для передачи подрядчикам и не для производства работ». Поставила в копию мать, руководителя договорного отдела и сохранила письмо в архив.

Затем вынула карандаш из волос, закрыла ноутбук и по-

звонила помощнице.

— Вика, я ухожу. Если Громов пришлет расчет до девяти, перешли мне.

— Сегодня же ваш день рождения. Идите уже, Александра Игоревна.

— Именно поэтому до девяти.

Вика улыбнулась и протянула ей небольшой бумажный пакет.

— Это от отдела. Только не открывайте при Ирине Викторовне. Мы не уверены, что подарок соответствует корпоративному стилю.

Внутри лежала кружка с надписью «Сначала план, потом паника».

— Кружка не соответствует, — сказала Александра. — Надпись оставляем.

Она поблагодарила, убрала подарок в сумку и вышла из офиса в половине седьмого.

В такси Александра написала Павлу: «Мама перенесла ужин на семь. Я опоздаю».

Он ответил почти сразу: «Ничего страшного. Все свои».

Слова успокоили бы, если бы вечером ждали только мать, Павел, его сестра с мужем и две подруги Александры. «Все свои» не нуждались в синем платье. Они видели ее после бессонных сдач, в строительной каске и однажды в бахилах поверх новых туфель, когда на объекте прорвало временную трубу.

Мать, однако, никогда не просила Александру «хотя бы причесаться» без причины.

Пока машина стояла на Садовом, Александра позвонила администратору ресторана.

— Добрый вечер. На имя Ветровой заказан стол на восемь.

— Да, Александра Игоревна. Вас ждут в малой галерее. Гости уже собираются.

— Сколько гостей?

Администратор запнулась.

— По последней заявке тридцать два.

Александра закрыла глаза.

— Спасибо.

Она набрала мать. Ирина Викторовна не ответила. Павел тоже сбросил звонок и прислал: «Уже начали, приезжай».

Тридцать два человека не собирались на семейный ужин. Тридцать два человека приходили на презентацию, подписание или поминки. Для последних в «Галерее» выбирали другой зал.

Александра открыла приложение такси и на секунду подумала изменить адрес. Уехать домой, выключить телефон, дать матери самой объяснять гостям отсутствие именинницы. Но среди приглашенных могли быть сотрудники бюро. Если мероприятие связано с «Морским парком», ее уход станет не семейной ссорой, а рабочим заявлением, смысл которого она пока не знала.

— Можно быстрее? — спросила она водителя.

Тот указал на красную полосу навигатора.

— Если только по крышам.

— Тогда как получится.

Она приехала в семь двадцать восемь.

У входа в малую галерею стоял баннер с логотипами «Ветрова и партнеры» и группы компаний «Север». Ниже серебряными буквами было написано: «Морской парк. Архитектура для жизни».

Рядом с баннером фотограф снимал Павла с двумя мужчинами из его совета директоров. На столике лежали папки для подписания. В глубине зала официанты разносили бокалы. На высокой подставке возвышался макет комплекса, который сотрудники Александры закончили только утром.

Ее день рождения был напечатан мелким шрифтом на карточках у тарелок: «Александре — 35».

Павел заметил ее первым. Закончил разговор, передал бокал официанту и подошел.

— Наконец-то.

Он поцеловал ее в щеку. На нем был темно-синий костюм, который Александра помогала выбирать к зимней конференции. В нагрудном кармане лежал светлый платок. Для семейного ужина Павел никогда не надевал платок.

— Что здесь происходит?

— Подписание. И твой праздник. Ирина решила совместить, чтобы собрать всех без лишней суеты.

— Какое подписание? Финансовую модель не утвердили.

— Утвердили сегодня днем.

— Почему мне не сообщили?

Павел осторожно взял ее под локоть и повел в сторону от фотографа.

— Потому что хотели сделать сюрприз. Саш, не начинай с претензий. Все получилось.

— Моя команда три месяца работает без договора. Для нее подписание — не сюрприз.

— В понедельник получают официальный запуск и премию. Сегодня можно просто порадоваться.

Александра посмотрела на папки. На верхней золотом было вытиснено название проекта. Рядом лежали две ручки и таблички с именами Павла и Ирины Ветровой.

Ее имени не было.

— Я остаюсь руководителем проекта?

— Конечно. Об этом тоже объявят.

— Что значит «тоже»?

Павел улыбнулся, но взгляд отвел к сцене.

— Давай не будем портить момент вопросами, ответы на которые ты получишь через десять минут.

— Ты сейчас говоришь как моя мама.

— Возможно, потому что она иногда права.

К ним подошла Ирина Викторовна. На ней было синее платье почти того же оттенка, который она выбрала для дочери. Серебристые волосы лежали ровно, на запястье блестя-

ли часы — подарок Александры к шестидесятилетию.

Мать быстро оглядела ее одежду и задержалась на сумке с выглядывающим краем бумажного пакета.

— Ты привезла документы?

— Нет. Кружку.

— Какую кружку?

— Подарок отдела. Что вы собираетесь объявить?

Ирина Викторовна поправила дочери воротник рубашки. Александра отступила, и рука матери осталась в воздухе.

— Через пять минут сама услышишь.

— Я хочу услышать сейчас.

— Саша, здесь партнеры, пресса и сотрудники. Мы три месяца шли к этому договору. Не превращай хороший вечер в допрос.

— Тогда ответь на один вопрос. Кроме запуска проекта что вы объявите?

Мать посмотрела на Павла. Он едва заметно качнул головой, словно просил подождать. Этот короткий обмен оказался хуже любого ответа. Они уже обсуждали, сколько Александра должна знать и когда ей разрешат узнать остальное.

— Ирина Викторовна, нас ждут, — позвал ведущий.

— Десять минут, — сказала мать Александре. — Потом поговорим обо всем спокойно.

Она ушла к сцене. Павел задержался.

— Поверь, тебе понравится.

— Ты хотя бы знаешь, что именно мне должно понравить-

ся?

— Знаю.

— А я нет.

— В этом и смысл сюрприза.

Он протянул ей руку. Александра не взяла, но пошла рядом. Уходить теперь означало оставить им право рассказать ее часть истории без нее.

За столом ей отвели место между Павлом и матерью. Напротив сидела Светлана, университетская подруга Александры, и виновато улыбалась. Значит, знала не все. Если бы знала, уже написала бы: «Ты согласилась и молчишь?»

Сотрудники бюро занимали дальние столы. Вика, увидев Александру, перестала хлопать и внимательно посмотрела на нее. Александра чуть качнула головой: позже.

Ведущий рассказал о пятнадцатилетней истории бюро, показал на экране визуализации «Морского парка» и представил слово Павлу.

Павел говорил хорошо. Без бумажки назвал площадь, сроки и число будущих рабочих мест. Поблагодарил команду, отдельно — Ирину Викторовну за «умение видеть решение там, где другие видят ограничения». Об Александре он сказал в самом конце:

— А главное, этот проект будет в надежных руках человека, которому я доверяю не только как профессионалу.

Гости повернулись к ней. Фотограф поднял камеру. Александра не улыбнулась, и после первого снимка он опустил

объектив.

Договор подписали под аплодисменты. Ирина Викторовна дождалась, пока официанты наполнят бокалы, и снова взяла микрофон.

— Сегодня у нашей семьи несколько причин для радости. Пятнадцать лет назад я привела Александру в маленькую комнату, где стояли два стола и один компьютер. Она еще училась и была уверена, что знает об архитектуре больше преподавателей и заказчиков вместе взятых.

Кто-то засмеялся. Александра помнила ту комнату. Помнила и другое: после института у нее было предложение от бюро в Петербурге. Мать тогда сказала, что не переживет, если дочь уедет сразу после того, как отец окончательно исчез из их жизни. Александра осталась на год. Год незаметно превратился в пятнадцать лет и долю в компании.

— Сегодня Александре тридцать пять, — продолжила Ирина Викторовна. — Она сильный архитектор, мой партнер и человек, которому предстоит открыть новую страницу нашей компании. Проект «Морской парк» станет основой южного направления бюро. Александра возглавит офис в Сочи.

Аплодисменты начались раньше, чем Александра успела осмыслить фразу. Павел накрыл ее ладонь своей.

— И это не единственная новая страница, — сказала мать. Павел встал.

Александра убрала руку.

Он достал из внутреннего кармана небольшую темную коробку. В зале стало тише. Светлана напротив перестала улыбаться.

Павел держал коробку уверенно, словно репетировал этот жест и уже видел нужный ответ. Фотограф переместился ближе к сцене. Ирина Викторовна смотрела на дочь с ободряющей улыбкой человека, который подготовил идеальный подарок и оставил имениннице только одну обязанность — обрадоваться.

Глава 2. Мой ответ — нет

— Мы с Павлом давно говорили о том, что наши семьи и наши компании связывает общее будущее, — сказала Ирина Викторовна. — А двенадцатого сентября мы будем рады разделить с вами еще одно событие — свадьбу Александры и Павла.

Павел открыл коробку. Кольцо было с прямоугольным камнем и тонкой дорожкой по ободку. Красивое. Совсем не то, которое выбрала бы Александра, если бы вообще собиралась выбирать кольцо.

Несколько секунд никто не говорил. Потом кто-то за дальним столом захлопал. Аплодисменты подхватили остальные.

— Встань, — тихо сказал Павел.

— Зачем?

— Саша, пожалуйста. На нас смотрят.

— Я вижу.

Микрофон оставался у матери. Она улыбалась гостям, но глаза предупреждали: не сейчас.

Александра встала. Павел облегченно выдохнул и потянулся к ее левой руке.

— Мы не помолвлены, — сказала она.

Он остановился.

Музыка продолжала играть. За соседним столом женщина в зеленом жакете медленно опустила бокал.

— Что? — спросил Павел без улыбки.

— Ты не делал мне предложение. Я не соглашалась выходить за тебя замуж.

— Я делаю сейчас.

— Нет. Сейчас моя мама объявила дату свадьбы, а ты принес кольцо, которое выбрал без меня.

— Кольцо выбирала Ирина, она лучше знает твой вкус.

Эта фраза прозвучала негромко. Ее услышали только Александра и мать, успевшая подойти ближе.

— Давайте выйдем, — сказала Ирина Викторовна.

— Сначала нужно исправить то, что вы сообщили всем этим людям.

— Не устраивай сцену.

— Сцена уже стоит. На ней ты назначила мою свадьбу.

Александра взяла микрофон из материнской руки. Ирина Викторовна не ожидала этого и не сразу отпустила. Их пальцы на секунду сомкнулись на металлическом корпусе.

Ведущий шагнул вперед, но Павел остановил его жестом.

Александра повернулась к гостям. Она десятки раз выступала перед залами больше этого. Защищала решения, в которых сомневались заказчики, объясняла, почему нельзя убрать лестницу, перенести шахту или поставить детскую площадку над въездом в паркинг. Сейчас ей требовалось произнести три простых предложения.

— Простите за неловкость, — сказала она. — Объявление оказалось неожиданным и для меня. Я не давала согласия на

брак и не обсуждала дату свадьбы. Поэтому свадьбы двенадцатого сентября не будет.

В зале кто-то поставил бокал на стол. Звук получился отчетливее, чем аплодисменты минуту назад.

— Договор по «Морскому парку» подписан руководителями компаний, — продолжила Александра. — Моя личная жизнь не является его условием. О моей роли в проекте я смогу говорить после того, как увижу договор и обсужу полномочия с командой.

Она вернула микрофон ведущему.

— С днем рождения меня, — произнесла Светлана с места и подняла бокал.

Смех вышел неровным, но помог людям снова заговорить. Музыку сделали громче. Фотограф исчез из прямой видимости. Кто-то из сотрудников подошел к макету, слишком внимательно рассматривая маленькие деревья.

Павел закрыл коробку.

— Нам нужно поговорить.

— Да.

Они вышли в коридор втроем. Ирина Викторовна первой открыла дверь небольшой переговорной при зале.

— Ты понимаешь, что сейчас сделала? — спросила она, едва дверь закрылась.

— Ответила на предложение, которого не было.

— Ты унизила Павла перед партнерами.

— Павел согласился участвовать в публичном объявле-

нии, не спросив меня.

— Мы обсуждали брак, — сказал он.

— Мы обсуждали, хотим ли жить вместе. Я сказала, что не готова.

— Три месяца назад.

— За три месяца я не сказала обратного.

Павел провел ладонью по подбородку. Он выглядел не разбитым, а раздраженным, как на совещании, где подрядчик внезапно отказался от согласованного пункта.

— Я хотел сделать нормальное предложение. С кольцом, с близкими людьми.

— Нормальное предложение предполагает возможность ответить «нет».

— Ты могла ответить мне наедине.

— А гостям что? Улыбнуться, надеть кольцо, а через час попросить забыть увиденное?

Ирина Викторовна поставила микрофон на стол.

— Никто не собирался тебя принуждать. Павел любит тебя. Вы подходите друг другу. Сочи даст тебе самостоятельное направление, которого ты просила. Я беру на себя московский офис. Через два года вы вернетесь с готовым проектом и семьей.

— Какой семьей?

Мать раздраженно выдохнула.

— Не цепляйся к словам.

— Ты только что распланировала два года моей жизни по-

сле свадьбы, на которую я не соглашалась. К каким словам мне не цепляться?

— Я пытаюсь обеспечить тебе будущее.

— Оно уже у меня было сегодня утром.

— Было? Ты пятнадцать лет работаешь в моей компании, живешь одна и каждое решение откладываешь, пока оно не станет срочным. Тебе тридцать пять, Саша. Нельзя бесконечно ждать, когда все сложится само.

Павел отвернулся к окну. Он не остановил Ирину Викторовну и не сказал, что возраст Александры не относится к проекту. Возможно, именно поэтому обида наконец стала ясной, без паники и желания немедленно все исправить.

— Значит, вы решили помочь, — сказала Александра. — Выбрали город, должность, дату и кольцо.

— Мы приняли взрослое решение, — ответил Павел. — У нас есть общий проект и нормальные отношения. Чего именно тебе не хватает?

— Моего согласия.

— Это слово удобно повторять, когда не хочешь отвечать по существу.

Александра посмотрела на него. Восемь месяцев Павел казался ей человеком, рядом с которым не нужно угадывать. Он звонил, когда обещал. Не исчезал после ссор. Спрашивал, какой ресторан выбрать, и спокойно принимал ответ. Теперь выяснилось, что спрашивал он до тех пор, пока выбор не становился для него важным.

— Я ответила по существу, — сказала она. — Замуж за тебя я не выйду.

Павел побледнел.

— Из-за неудачного предложения?

— Из-за того, что ты до сих пор считаешь неудачной только форму.

— Ты сейчас наказываешь меня.

— Нет. Я прекращаю разговор, в котором мой ответ считается временной помехой.

Она открыла дверь.

Мать догнала ее уже в коридоре.

— Если ты уйдешь, завтра это будет во всех деловых каналах.

— Если останусь, они напишут, что свадьба состоится после семейного недоразумения.

— Мы можем дать общий комментарий.

— Не можем. Общего комментария у нас нет.

— Тогда хотя бы поздравления прими. Люди пришли ради тебя.

Александра посмотрела в зал. Вика беседовала с главным инженером, но каждые несколько секунд поглядывала на дверь. Светлана уже держала сумку на коленях, готовая уйти вместе с ней. Остальные гости старательно возвращали вечеру деловой вид.

— Сотрудники пришли на подписание, — сказала Александра. — Партнеры тоже. Подруг я предупрежу сама.

— Саша.

— Не сегодня, мама.

Она забрала сумку со стула. Светлана поднялась.

— Поедем?

— Мне нужно в офис.

— Я с тобой.

— Нет. Здесь твой муж, ужин и тридцать человек, которым неудобнее, чем мне. Останься хотя бы на полчаса.

— Ты уверена?

— Да.

Светлана обняла ее. Без советов и обещаний позвонить адвокату. За это Александра была особенно благодарна.

У выхода ее остановила Вика.

— Александра Игоревна, я не знала про свадьбу.

— Верю.

— И про Сочи. У нас сегодня спрашивали список тех, кто готов к переезду. Я думала, это резерв.

— Кто спрашивал?

— Отдел кадров. По поручению Ирины Викторовны.

Значит, речь шла не о красивой фразе за столом. Мать уже собирала команду.

— Спасибо, что сказала. До понедельника ничего не решай и никому ничего не обещай.

— Хорошо.

На улице шел мелкий апрельский дождь. Александра заказала такси до офиса. Павел написал, когда машина отъе-

хала от ресторана: «Мы оба на эмоциях. Завтра приеду, спокойно поговорим».

Она ответила: «Не приезжай без приглашения. Мой ответ не изменится».

Сообщение долго оставалось непрочитанным, хотя телефон почти наверняка был у него в руке.

В офисе горел только дежурный свет. Охранник поздравил Александру и пропустил на этаж. На ее столе лежали цветы от подрядчиков, три подарочных пакета и папка с текущими счетами. Здесь все выглядело так, словно вечер еще можно отменить и прожить по плану.

Она включила компьютер.

Письмо с договором по «Морскому парку» уже пришло. Александра скачала файл и открыла раздел об управлении проектом. Руководителем южного направления значилась она. Срок работы в Сочи — не менее восемнадцати месяцев. Замена руководителя допускалась только с письменного согласия заказчика.

Под договором стояли подписи Павла и Ирины Ветровой.

Ее подписи не требовалось. Как руководитель бюро мать имела право назначить сотрудника на проект. Александра имела право отказаться от командировки или уволиться. Ирина Викторовна не нарушила закон. Она просто создала условия, в которых отказ дочери выглядел бы капризом, способным сорвать договор на сотни миллионов.

Александра перечитала пункт дважды, затем открыла по-

что и стала искать переписку по проекту. В общей папке лежали письма, которых она раньше не видела: расчет сочинского офиса, предварительная аренда, список сотрудников. Все создано за последние три недели.

Три недели назад мать спросила, понравился ли Александру город в феврале. Та ответила, что зимой там приятнее, чем в Москве. Видимо, это посчитали согласием на переезд.

В правом углу экрана появилось уведомление об архивировании старой переписки. Среди тем мелькнуло знакомое слово: «Орбита».

Александра остановила прокрутку.

Письмо было адресовано Ирине Ветровой и ей. Отправитель — Константин Артемьев, бюро «Линия». Тема: «Руководитель архитектурной группы проекта восстановления кинотеатра „Орбита“».

Она открыла сообщение.

Артемьев писал коротко. Инвестор утвердил переход к проектной стадии. «Линия» собирала совместную команду и предлагала Александре Ветровой возглавить архитектурную часть. Он ссылаясь на ее конкурсную концепцию районного культурного центра и просил подтвердить интерес до четверга.

Сегодня была пятница.

Ниже находился ответ с адреса генерального директора «Ветрова и партнеры».

«Благодарим за предложение. Александра Ветрова занята

в долгосрочном проекте компании и не рассматривает стороннее сотрудничество. Просим в дальнейшем направлять кадровые предложения сотрудникам через руководство бюро».

Ответ отправили во вторник утром.

В это время Александра сидела с матерью в одной переговорной и обсуждала фасад детского центра. Ирина Викторовна просила ее передвинуть встречу на десять минут, потому что «нужно ответить на неприятное письмо».

Александра распечатала оба сообщения. Бумага выходила из принтера медленно, с тихим механическим шорохом. На первом листе стояло ее имя. На втором — отказ от ее имени.

— Я знала, что найду тебя здесь.

Мать стояла в дверях кабинета. Пальто она держала на сгибе руки. На лице не осталось ни улыбки для гостей, ни гнева из переговорной. Только усталость.

Александра подняла распечатку.

— Когда ты собиралась сказать про «Орбиту»?

Ирина Викторовна не спросила, откуда дочь узнала.

— После подписания «Морского парка» это предложение потеряло смысл.

— Для кого?

— Для бюро. Маленький бюджет, сложный собственник, общественное давление и Артемьев, который попытается использовать тебя против меня.

— Он предложил работу мне.

— Письмо пришло на корпоративный адрес. Ты руководитель отдела моей компании.

— Я еще и совладелец.

— С тридцатью процентами, которые получила от меня.

— Значит, вместе с долей я получила обязанность не читать письма на свое имя?

Мать положила пальто на кресло.

— Ты хотела самостоятельный проект. Я дала тебе направление в Сочи, команду и крупнейший контракт за последние четыре года.

— Ты дала его вместе с женихом и датой свадьбы.

— Не смешивай.

— Это ты совместила подписание с помолвкой.

— Ошибка. Я признаю. Нужно было предупредить.

— Предупредить или спросить?

— Какая теперь разница?

— В этом и есть вся разница.

Александра положила листы на стол. Ей хотелось говорить громче, но тогда мать стала бы спокойнее. В их семье громкость всегда проигрывала выдержке.

— Ты имела право отказаться от сотрудничества от имени бюро, — сказала она. — Но ты не имела права сообщать, что я не рассматриваю предложение. Ты не знала, рассматриваю я его или нет.

— Знала. Ты бы согласилась из упрямства, потому что Артемьев годами рассказывает, как я мешаю городу дышать и

старым зданиям жить.

— Я читала его интервью. Он ни разу не называл тебя.

— Ему не нужно называть. Все понимают.

— Тогда это твой конфликт, не мой.

— Пока ты работаешь под моей фамилией, отдельного конфликта у тебя не будет.

Слова прозвучали без угрозы. Как правило, которое мать считала очевидным.

Александра посмотрела на папку счетов, подарки, рабочий план на стене. Ее фамилия действительно была фамилией матери. После развода родителей Ирина вернула девичью и поменяла документы дочери, которой тогда исполнилось шестнадцать. Отец не возражал. Он вообще редко возражал, предпочитая однажды уйти вместо множества разговоров.

Пятнадцать лет Александра считала фамилию общей работой. Теперь мать предъявила право собственности.

— Я не поеду в Сочи, — сказала Александра.

— Ты сорвешь договор.

— В договоре предусмотрена замена руководителя с согласия заказчика. Вы найдете человека.

— Павел подписывал, потому что проект ведешь ты.

— Тогда ему следовало получить мое согласие до подписи.

— И что дальше? Уволишься в свой день рождения и уйдешь к Артемьеву?

— Пока я собираюсь позвонить ему и спросить, открыто

ли предложение.

— Ты не сделаешь этого сегодня.

— Почему?

— Потому что сейчас ты злишься и пытаешься доказать, что можешь без меня.

— Я действительно злюсь. Но предложение меня заинтересовало до того, как я узнала, что ты от него отказалась.

— Ты увидела его десять минут назад.

— Я видела «Орбиту» год назад, когда объект выставили на конкурс. И сохранила документацию. Я собиралась предложить бюро участвовать, но ты сказала, что общественные здания не окупают потраченных нервов.

Ирина Викторовна помолчала.

— Значит, я была права. Ты уже придумала себе красивую историю: мать продала тебя за контракт, а ее враг дал свободу.

— Никто не даст мне свободу. Мне тридцать пять лет, мама. Я просто слишком долго позволяла тебе оформлять решения.

— Я всю жизнь делала так, чтобы тебе не пришлось начинать с пустого места.

— И я благодарна. Но благодарность не означает, что ты можешь продолжать мою жизнь без моего участия.

Мать подошла к окну. Внизу по мокрой улице двигались красные огни машин.

— В понедельник соберем совет, — сказала она. — До

этого времени ты отстранена от текущих проектов. Рабочие файлы не копировать, сотрудников не склонять к уходу, с заказчиками от имени бюро не связываться.

Александра ожидала уговоров, нового спора, возможно, слез. Получила распоряжение генерального директора. Это было больно, но понятно.

— Пришли решение письменно.

Мать повернулась.

— Ты серьезно?

— Да. Если меня отстраняют, отдел должен знать, кому передавать согласования. И нужно отменить мою подпись в системе.

— Ты сейчас разговариваешь со мной как с чужим человеком.

— Сейчас я разговариваю с генеральным директором, который отстранил меня от работы.

— Хорошо.

Ирина Викторовна взяла пальто.

У двери она остановилась.

— Павел все еще в ресторане. Он не заслужил того, что ты устроила.

— Я тоже.

— Он хотел сделать тебя счастливой.

— Тогда ему придется узнать, что это нельзя сделать без меня.

Мать ушла.

Через минуту на рабочую почту пришло распоряжение о временной передаче полномочий. Сформулировано безупречно: «в связи с необходимостью урегулирования потенциального конфликта интересов». Александра сохранила письмо и вышла из корпоративной системы.

Она не стала копировать проекты. Собрала личные вещи: запасные очки, зарядку, блокнот с записями по курсам, старую фотографию с первого построенного объекта. Кружку отдела оставила в пакете.

Перед тем как закрыть ноутбук, Александра выписала номер Константина Артемьева из подписи к письму.

Телефон показывал двадцать три сорок две. Звонить в такое время человеку, с которым она лично разговаривала трижды, было неприлично. Ждать до утра означало еще одну ночь позволить матери решать, когда начнется ее разговор.

Александра нажала вызов.

Артемьев ответил после четвертого гудка.

— Слушаю.

Голос был бодрым, на заднем плане слышались шаги и хлопок двери.

— Константин Андреевич, это Александра Ветрова. Простите за поздний звонок.

— Добрый вечер. Что случилось?

Он не спросил, откуда у нее номер. И не сделал вид, что рад.

— Я только сегодня увидела ваше предложение по «Ор-

бите».

— Мы получили отказ.

— Отказ отправила компания. Я о письме не знала.

На этот раз пауза принадлежала не матери. В ней не было упрека, только оценка услышанного.

— Вы по-прежнему работаете в компании? — спросил Артемьев.

— До понедельника формально да. От проектов меня отстранили час назад.

— Из-за звонка мне?

— Из-за того, что я отказалась выходить замуж за заказчика другого проекта.

Александра произнесла это и впервые услышала, насколько нелепо звучит ее вечер. Артемьев не засмеялся.

— Понимаю, — сказал он, хотя понимать там было почти нечего. — Что вы хотите обсудить?

— Возможность возглавить архитектурную группу «Орбиты». Если предложение еще действует.

— После официального отказа вашего бюро мы начали переговоры с другим кандидатом.

— Тогда скажите, что нужно сделать, чтобы вы рассмотрели и меня.

— Прийти завтра к девяти. Без представителей «Ветрова и партнеры», без файлов компании и без обещаний, что ваша фамилия решит вопрос с согласованием.

— Адрес в подписи?

— Да.

— Я приду.

— Александра Игоревна.

— Да?

— Если к утру вы помиритесь с матерью или женихом, просто предупредите. Мне не нужен руководитель, который использует мой проект для семейных переговоров.

Она посмотрела на распечатанный отказ.

— А мне не нужен новый человек, который будет решать за меня, почему я пришла.

Артемьев молчал две секунды.

— Справедливо. В девять.

Он завершил звонок.

Александра убрала телефон, надела пальто и выключила свет в кабинете. На столе остался план «Морского парка», который утром был ее следующим годом.

Теперь до девяти оставалось девять часов.

Глава 3. Без рекомендации

В субботу Александра проснулась в половине седьмого, хотя легла после двух. Синее платье висело на дверце шкафа. Накануне она достала его по просьбе матери, потом решила не ездить домой и оставила там, где оно висело всю неделю.

На кухонном столе лежали распечатанные письма по «Орбите». Рядом стояла кружка отдела. Александра налила в нее чай и только тогда прочитала надпись полностью: «Сначала план, потом паника».

План на утро состоял из трех пунктов: не брать материалы «Ветрова и партнеры», не просить у Константина особого отношения и не соглашаться на условия, которые не успеет прочитать.

Телефон показывал семнадцать пропущенных уведомлений. Большинство сообщений пришло из общего чата бюро. Люди поздравляли ее, осторожно спрашивали о вчерашнем вечере и удаляли вопросы раньше, чем она открывала переписку. Светлана написала: «Если нужна компания — приеду. Если нужна тишина — не приеду. Ответа не требую».

От матери было одно сообщение: «Совет в понедельник в десять. Леонида предупредила».

Леонид Михайлович Зорин владел оставшимися пятнадцатью процентами бюро. Он вошел в компанию девять лет

назад, когда им понадобились деньги на первый большой конкурс, и с тех пор появлялся только на квартальных советах. Ирина Викторовна называла его осторожным инвестором. Александра считала человеком, который задает самый неудобный вопрос после того, как все решили закончить совещание.

Павел прислал фотографию закрытой коробки с кольцом и написал: «Я сохраню его до нашего разговора».

Она удалила фотографию, сообщение оставила. Потом набрала ответ: «Разговора о свадьбе не будет. Рабочие вопросы по договору направляй генеральному директору бюро».

В восемь пятнадцать Александра вышла из дома. В папке лежали только паспорт, диплом и распечатка резюме, сохраненного два года назад для профессионального реестра. Портфолио она не взяла: почти все реализованные проекты принадлежали семейному бюро, а разбирать права на изображения в ночь после ссоры было плохой идеей.

«Линия» занимала второй этаж бывшего приборного завода. На проходной Александру нашли в списке и выдали бумажный пропуск. Лифт не работал. На лестничной площадке пахло пылью и свежей краской, у стены стояли аккуратно сложенные образцы старого кирпича.

Константин открыл дверь ровно в девять. Был без пиджака, в темной рубашке с закатанными рукавами. Александра раньше видела его только на публичных обсуждениях, где он

говорил медленно и почти никогда не смотрел на презентацию за спиной. Сейчас он выглядел менее официально, но не менее собранно.

— Доброе утро. Вы пришли одна.

— Это было условием встречи.

— Не все соблюдают условия, с которыми не согласны.

— Я согласилась.

Он пропустил ее внутрь.

Офис оказался меньше, чем Александра представляла. Один длинный зал, две стеклянные переговорные и мастерская за раздвижной дверью. На стенах висели фотографии зданий до и после восстановления. Не парадные фасады, а узлы: очищенная кладка, лестничные ограждения, фрагменты окон.

За столом в переговорной сидела женщина лет сорока с короткими темными волосами. Перед ней лежала папка с закладками.

— Марина Волкова, руководитель проектов, — представил ее Константин. — Марина ведет договор и календарь «Орбиты». Решение о составе группы принимаем вместе.

Александра пожала ей руку.

— Вы принесли портфолио? — спросила Марина.

— Нет. Реализованные работы создавались в «Ветрова и партнеры». Я не получила разрешение использовать материалы на собеседовании.

Марина посмотрела на Константина.

— Это первый кандидат, который пришел к нам без картинок и считает это преимуществом.

— Я не считаю преимуществом. Только границей доступа.

— Хорошо. Тогда что мы должны оценивать?

Александра положила резюме на стол.

— Мой опыт можно проверить по открытым публикациям и реестрам. Остальное — по вопросам, которые вы зададите.

Константин сел напротив.

— Начнем с простого. Почему «Орбита»?

— Потому что это действующая часть района, хотя здание закрыто семь лет. Рядом нет другого зала на четыреста мест. В конкурсной документации общественную функцию называют обязательной, но финансовая модель строится в основном на аренде торговых помещений. Если оставить этот разрыв, проект либо потеряет зал, либо не получит денег на эксплуатацию.

— Вы видели финансовую модель?

— Только опубликованную часть обоснования инвестора. Полную не видела.

— Тогда вы не знаете, есть ли разрыв.

— Не знаю. Поэтому сказала «если».

Марина сделала пометку.

— Что еще? — спросил Константин.

— Исходные обмеры не совпадают с фотографиями из последнего отчета.

Он слегка откинулся на спинку стула.

— Конкретнее.

— На плане второго этажа показаны два поперечных коридора. На фотографиях из обследования видна заложенная часть одного прохода и новая перегородка возле аппаратной. Возможно, это поздняя перепланировка. Возможно, подписи к фотографиям неверны. Пока не сделаны актуальные обмеры, рассчитывать потоки посетителей рано.

— Отчет датирован прошлой осенью, — сказала Марина.

— Именно. За зиму здание могло измениться еще раз. Там была авария отопления?

Константин впервые посмотрел не на нее, а на папку Марины.

— В январе разморозило часть системы. Откуда вы знаете?

— В районной группе публиковали фотографии воды у служебного входа. Запись потом удалили, но обсуждение осталось в поиске.

— Вы готовились ночью? — спросила Марина.

— Я следила за объектом с момента конкурса. Ночью проверила, что изменилось.

Константин открыл ноутбук и развернул к ней экран. На плане красным были выделены зоны будущих коммерческих помещений.

— Инвестор требует увеличить полезную площадь на шестьсот метров, не меняя внешний объем. Где возьмете?

— Сначала проверю, действительно ли ему нужны шестьсот метров или нужен доход, который он с ними связывает.

— Заказчик сформулировал площадь.

— Заказчик сформулировал средство. Если задача — эксплуатационный доход, можно считать загрузку зала, дневные функции, деление помещений по времени. Если ему нужны именно метры для последующей продажи или долгой аренды, это другой проект и другие ограничения.

— Удобный способ не отвечать.

— Ответить по этому плану — значит нарисовать площадь внутри стен, состояние которых я не видела.

Марина закрыла ручку колпачком.

— Ирина Ветрова обычно отвечает увереннее.

Упоминание матери было ожидаемым. Александра все равно почувствовала, как напряглись плечи.

— Вы приглашали не ее.

— Мы приглашали руководителя из ее бюро, — сказал Константин. — А получили человека, которого отстранили после семейного скандала. Мне нужно понимать, что произойдет в понедельник.

— Совет решит, сохраняю ли я оперативную должность. Мои тридцать процентов останутся у меня при любом решении. Я сообщу о вашем предложении и заявлю конфликт интересов. До письменного завершения отношений с бюро не подпишу договор с вами и не получу доступ к закрытым материалам «Орбиты».

— А если совет вернет вам должность и предложит Сочи без свадьбы?

— Откажусь от Сочи.

— Почему?

— Потому что не хочу вести этот проект.

— Вчера хотели.

— Вчера я вела предпроектную работу, потому что это была моя обязанность. Договор увидела после подписания. Полномочия руководителя и финансовую модель со мной не обсуждали.

Константин сцепил пальцы на столе.

— Ваш отказ выглядит дорогим жестом. Компания теряет руководителя, вы теряете должность, заказчик получает проблему. Ради чего?

— Ради того, чтобы мое согласие перестали включать в договор по умолчанию.

— Это семейная причина.

— Это управленческая причина. Руководитель, который узнает срок командировки после подписания, не управляет проектом.

Марина снова сняла колпачок с ручки.

Собеседование продолжалось полтора часа. Александру спрашивали о бюджете, авторском надзоре, конфликтах с инженерами, проваленном конкурсе и проекте бизнес-центра, где пришлось полностью переделать входную группу после замечаний пожарного консультанта. Она не скрывала,

что два крупных договора получила благодаря репутации матери. Не согласилась, когда Константин назвал один из ее проектов декоративным, и объяснила, какие ограничения заказчика привели к спорному фасаду.

В десять сорок Марина вышла ответить на звонок. Константин налил воду из графина и подвинул стакан Александре.

— Вы не спросили, почему я отправил предложение через Ирину Викторовну, если хотел получить именно вас.

— Потому что на тот момент я была руководителем ее отдела. Обходить работодателя было бы непрофессионально.

— Верно. Но теперь вы считаете, что я должен был написать лично?

— Теперь я считаю, что корпоративный отказ не всегда означает личный. Это полезно знать на будущее.

— Вы часто так разговариваете на собеседованиях?

— Последний раз собеседовалась пятнадцать лет назад.

— У матери?

— Она дала мне рабочий стол и сказала, что зарплату придется заработать. Формально это был испытательный срок.

— А фактически?

— Фактически я с детства знала, где лежат ключи от офиса.

Он кивнул, не улыбнувшись. Александра не поняла, была ли это очередная отметка против нее.

Марина вернулась с распечатанным листом.

— Кандидат, с которым мы договаривались вчера, готов начать в понедельник, — сказала она. — У него нет конфликта интересов и есть портфолио.

— Тогда почему мы продолжаем разговор? — спросила Александра.

— Потому что он не заметил расхождение в обмерах, — ответил Константин. — Но его можно было бы научить.

— Меня тоже придется учить. Я не реставратор.

— Нам не нужен второй реставратор. Нужен человек, который соберет современную функцию внутри ограничений и не превратит каждый спор в защиту памятника от заказчика.

Он подвинул к ней лист.

Это не был договор. Таблица на одной странице: четыре недели, фиксированная сумма, перечень задач и точки проверки. Первая неделя — анализ исходных данных и программа дополнительных обследований. Вторая — три варианта функциональной схемы. Третья — предварительный расчет площадей с экономистом. Четвертая — представление инвестору.

— Испытательный договор на консультационные услуги, — сказал Константин. — Без должности руководителя до завершения первого этапа. Доступ к внутренним материалам после подтверждения, что вы свободны от обязательств перед бюро. Все созданное у нас остается в проекте. Ваши прежние материалы не используем.

Александра прочитала сумму. Она была ниже ее месячно-

го дохода в семейной компании, но достаточной, чтобы работа не выглядела одолжением.

— Кто принимает решения по архитектурной части?

— На испытательном этапе — я после обсуждения с вами и инженерами.

— Тогда вы ищете консультанта, а не руководителя.

— Первые четыре недели — да.

— В письме была другая роль.

— В письме мы исходили из вашей устойчивой позиции в бюро и подтвержденного портфолио. Сегодня обстоятельства другие.

— Моя компетентность за ночь не изменилась.

— Изменилась наша возможность ее проверить.

Ответ был неприятным и честным. Александра еще раз посмотрела на таблицу.

— Добавьте, что итог первого этапа включает письменное решение о продолжении или прекращении работы. И критерии: соблюдение бюджета, требований инвестора и программы общественной функции. Иначе через четыре недели вы сможете сказать, что мы просто не сошлись характерами.

— Иногда люди действительно не сходятся характерами.

— Тогда это тоже можно написать.

Марина усмехнулась.

— Я добавлю процедуру оценки. Что еще?

— Право упоминать свою роль в портфолио после публичного раскрытия проекта. Объем публикации согласуем.

— Разумно, — сказал Константин.

— И отдельное подтверждение, что я не участвую в переговорах с «Ветрова и партнеры» или «Севером», если они появятся среди подрядчиков или конкурентов по объекту.

— Они уже появились, — ответил он.

Александра подняла глаза.

— В каком качестве?

— «Север» неделю назад запросил у инвестора условия альтернативной реконструкции. Их вариант предполагает сохранить фасад и заменить большую часть внутренних конструкций. Официального предложения пока нет.

Теперь стало понятно, почему Павел так легко согласился на южный офис для Александры. В Москве у его компании начинался проект, где ее присутствие было бы неудобным.

— Ирина знает?

— Не могу утверждать.

— Но предполагаете.

— Предположения на собеседовании не обсуждаем.

— Удобное правило.

— Для всех сторон.

Александра положила лист на стол.

— Пришлите проект договора после совета. До этого я ничего не обещаю.

— Мы тоже, — сказала Марина.

У выхода Константин вернул ей бумажный пропуск, который она машинально положила в карман.

— Он остается на проходной, — объяснил он.

— Еще не привыкла уходить из офиса как посетитель.

— Это проходит.

— Вы часто уходили?

— Достаточно, чтобы не хранить старые пропуска.

Она отдала карточку охраннику и вышла на улицу.

Дождь закончился. На другой стороне дороги работала кофейня. Александра заказала завтрак и открыла телефон. В деловом канале уже появилась фотография Павла с кольцом. Заголовок сообщал: «Подписание с неожиданным финалом: дочь Ирины Ветровой отказала главе „Севера“».

В тексте ее называли наследницей архитектурного бюро и будущим руководителем южного офиса. Ни одного ее профессионального проекта не упомянули.

Она закрыла страницу.

В половине двенадцатого позвонила мать.

— Ты была у Артемьева?

— Да.

— Быстро доложили.

— Я никого не просила докладывать. Его офис находится в здании, где работают три наших подрядчика.

— Тем лучше. В понедельник объяснишь совету, как собираешься одновременно владеть долей у нас и работать на конкурента.

— Объясню. Ты сообщишь совету, что отказалась от предложения на мое имя?

— Я отказалась от имени компании.

— Тогда объясним оба решения.

Мать завершила звонок первой.

В воскресенье Александра не поехала в офис и не отвечала сотрудникам на вопросы о проектах. Она составила список личных работ, проверила договор о передаче доли и нашла старое соглашение акционеров. Запрета работать в другом архитектурном бюро там не было, но трудовой договор содержал обязанность избегать конфликта интересов и сохранять коммерческую тайну.

В понедельник она пришла за десять минут до совета. Ее пропуск уже не открывал внутреннюю дверь. Охранник позвонил секретарю, и Александру провели в переговорную как гостя.

За столом сидели Ирина Викторовна, Леонид Михайлович и корпоративный юрист. Павла не было.

— Начнем с главного, — сказал Леонид Михайлович после приветствия. — Александра, ты намерена оставаться сотрудником бюро?

— Нет. Предлагаю расторгнуть трудовой договор по соглашению сторон с завтрашнего дня. Полномочия руководителя отдела передам сегодня по акту.

Мать открыла лежащую перед ней папку.

— То есть решение уже принято.

— Решение о моей поездке в Сочи было принято раньше. Я на него ответила.

— Мы обсуждаем не семейный спор, — вмешался юрист.

— Согласна. Поэтому я подготовила заявление и перечень доступов, которые нужно закрыть.

Она передала документы.

Леонид Михайлович прочитал первую страницу.

— Доля остается у тебя?

— Да. До независимой оценки и отдельного решения.

— Работать собираешься у Артемьева?

— Получила предварительное предложение на четыре недели. Договор не подписан. Если подпишу, не буду использовать материалы бюро и участвовать в проектах, связанных с его заказчиками, без проверки конфликта интересов.

— «Орбита» связана с «Севером», — сказала Ирина Викторовна.

— Я узнала об их интересе на собеседовании. Бюро участвует?

— Пока нет.

— Тогда прошу письменно сообщить, если ситуация изменится. Я сделаю то же самое.

Леонид Михайлович повернулся к Ирине.

— Почему ей не показали приглашение?

— Потому что оно пришло работодателю, а не частному лицу. Я ответила в интересах компании.

— В ответе сказано, что Александра не рассматривает сотрудничество.

— Она была занята в другом проекте.

— Это не ответ на вопрос.

Мать сняла очки.

— Я не обязана выносить каждое кадровое письмо на совет.

— Не обязана. Но теперь мы обсуждаем уход руководителя отдела за два дня до запуска крупнейшего договора. Значит, решение оказалось не только кадровым.

Александра молчала. Если Леонид Михайлович защищал ее, то не из симпатии. Он защищал стоимость своих пятнадцати процентов.

Совет длился два часа. Временным руководителем отдела назначили заместителя Александры — Оксану Ремизову. По «Морскому парку» решили запросить у Павла согласование замены. Александра передавала дела до конца дня и подписывала обязательство не разглашать рабочие материалы. Ирина согласилась на расторжение договора со вторника, но отказалась обсуждать выкуп доли без отдельной оценки.

Когда юрист вышел печатать протокол, мать сказала:

— Ты могла взять неделю отпуска.

— И вернуться после того, как все успокоится?

— Да. Иногда это разумно.

— Для кого?

Ирина Викторовна посмотрела на нее поверх очков.

— Ты очень стараешься говорить моими словами против меня.

— Я стараюсь задавать вопросы до решения.

Леонид Михайлович поднялся.

— Семейную часть продолжите без меня. По деловой: оценщика предложу к пятнице. Если кто-то захочет выкупить долю, получим рыночный диапазон и не будем торговаться воспоминаниями.

После совета Александра четыре часа передавала проекты Оксане. Не просила сотрудников уходить за ней, не рассказывала подробности и не обещала вернуться. Вика плакала в туалете, потом сердито вытерла лицо и потребовала забрать кружку.

— Она куплена на наши деньги, не на корпоративные.

— Забираю.

В шесть Александра сдала пропуск. Личных вещей набралось на одну сумку и коробку из-под бумаги. Она донесла их до машины сама.

Когда такси тронулось, пришло письмо от Марины Волковой. Во вложении лежал проект четырехнедельного договора со всеми пунктами, которые Александра просила добавить.

Внизу стояла короткая приписка Константина: «Если ваш статус изменился, встречаемся завтра в восемь тридцать. Работы больше, чем времени».

Александра открыла договор и начала читать с первой страницы.

Глава 4. Свое имя

Во вторник в восемь двадцать пять Александра снова стояла у проходной бывшего завода. На этот раз ее фамилия была внесена в список на месяц.

Охранник протянул пластиковую карту.

— Теперь не отдавать. Турникет на вход и выход, после девяти вечера этаж закрывают.

Александра повесила карту на шнурок и поднялась по лестнице. Слово «консультант» на пропуске было напечатано крупнее имени. Она поймала себя на желании перевернуть карточку и оставила как есть.

В переговорной уже сидели шесть человек. Константин представил всех без должностной торжественности. Марину Александра знала. Роман Князев отвечал за конструктивные решения, Яна Левина — за экономику проекта, Антон Белецкий — за архитектурную группу, Лариса Руденко — за реставрационные разделы, а молодой мужчина у окна оказался координатором инженерных систем Ильей Мартыновым.

Перед свободным местом лежала папка с договором.

— Доброе утро, — сказал Константин. — Александра, есть замечания к финальной версии?

— Один вопрос. В пункте о публичных комментариях требуется письменное согласование любого упоминания

проекта. Предлагаю ограничить требование закрытыми данными и выступлениями от имени команды. Я не могу обещать не отвечать на прямой вопрос о месте работы.

Марина нашла пункт.

— Формулировка стандартная.

— Поэтому ее можно уточнить до подписи, а не спорить после интервью у входа.

— Интервью уже дают у входа? — спросил Антон.

— Пока только снимают тех, кто отказывается от свадьбы.

Он посмотрел на Александру, не понимая, шутит ли она.

Яна первой улыбнулась.

Константин взял ручку.

— Добавляем: консультант вправе подтверждать факт участия и свою роль, не раскрывая содержание проекта и переговоров. Подходит?

— Да.

Марина внесла правку от руки в два экземпляра. Стороны поставили подписи рядом с изменением, затем подписали договор целиком.

— С этого момента вы получаете доступ к рабочему архиву, — сказала Марина. — Внешние носители запрещены. Удаленный доступ через защищенную учетную запись. Все новые файлы храним на сервере.

— Понятно.

— И еще. Вчера вечером «Север» официально уведомил инвестора о подготовке альтернативной концепции. Срок

подачи — через три недели.

— У нас конкурс? — спросила Александра.

— Формально инвестор сравнивает варианты до утверждения архитектурного решения, — ответил Константин. — Наш договор остается в силе, но следующий этап получит тот, чья модель пройдет по бюджету и обязательствам собственника.

Антон сложил руки на груди.

— То есть человек из бюро, связанного с «Севером», теперь получает весь наш архив.

Комната затихла. Вопрос был неприятным, но справедливым.

— Я больше не сотрудник «Ветрова и партнеры», — сказала Александра. — Доля в компании у меня остается. В договоре зафиксирован конфликт интересов и запрет передавать данные обеим сторонам. Если этого недостаточно, назовите конкретный риск.

— Вы пятнадцать лет работали с Ириной Ветровой. Ее отдел делал «Морской парк» для Серова. В пятницу вы должны были возглавить их офис, а во вторник сидите у нас.

— Все верно.

— И вас это не смущает?

— Смущает. Поэтому я не принесла ни одного файла прежнего работодателя и письменно сообщила о новом договоре совету компании. Что еще я могу сделать?

Антон пожал плечами.

— Не работать на конкурента через четыре дня после ухода.

— Могу. Тогда вы потеряете только кандидата, а я сохраню видимость правильного поведения. Но мой уход не станет менее реальным, а «Север» не перестанет готовить свой вариант.

— Ответ принят, — сказал Константин. — Доступ к коммерческой модели пока будет у Александры в режиме просмотра. Выгрузки подтверждает Марина. То же правило действует для всех. Если у кого-то появятся факты нарушения, сообщайте мне сразу. Предположения мы уже обсудили.

Антон открыл ноутбук. Возражение не исчезло, но перестало занимать совещание.

На экране появилась первая страница презентации. Вверху было написано: «Кинотеатр „Орбита“. Рабочая встреча». Ниже — состав команды.

Александра нашла свою строку: «Александра Ветрова, архитектурная программа».

Без названия семейного бюро ее имя выглядело короче, чем обычно.

Константин передал ей пульт.

— Покажите, как предлагаете провести первую неделю. Она встала у экрана.

— Вчера вы прислали мне открытый пакет и результаты прошлого обследования. Я не успела изучить рабочий архив, поэтому сейчас говорю только о последовательности. Нам

нужно подтвердить три вещи: фактическое состояние здания после зимней аварии, обязательные функции и источник эксплуатационного дохода. Если начнем с планировок, будем защищать площади, которые еще не доказали необходимость.

На следующем слайде она вывела таблицу вопросов. Не решения — вопросы и ответственные за данные.

— По зданию нужен актуальный осмотр и перечень зон, куда обследователи не получили доступ осенью. По функции — встреча с районной администрацией и представителями жителей. Не опрос о цвете кресел, а календарь реального использования зала. По экономике — три сценария загрузки без учета продажи площадей. После этого сможем обсуждать, сколько коммерческой функции действительно требуется.

Яна подняла руку.

— Инвестор не согласится ждать отдельного исследования аудитории. У нас три недели до сравнения концепций.

— Не предлагаю исследование. Два рабочих интервью и проверка статистики соседних площадок. Три дня.

— Статистика закрытая.

— Часть мероприятий финансируется из бюджета, отчеты публикуются. Остальное запросим у операторов. Если не дадут, отметим допущение.

Роман пролистал распечатку.

— Осмотр можно провести завтра, но без вскрытий. Соб-

ственник еще не согласовал работы.

— Тогда завтра фиксируем доступные изменения и составляем программу вскрытий. Мне нужно пройти маршрут зрителя, персонала и загрузки сцены.

Антон поднял взгляд от ноутбука.

— Маршруты есть в проекте.

— В проекте два коридора, а на последней фотографии один заложен.

— Это временная перегородка арендатора.

— Возможно. На месте проверим, влияет ли она на схему и можно ли убрать без переноса коммуникаций.

— Мы и так собирались.

— Значит, спорить не о чем.

К концу презентации Александра успела получить двенадцать вопросов и два прямых возражения. Команда не пыталась ей понравиться. Это оказалось легче, чем привычная вежливость семейного бюро, где сотрудники сначала смотрели на Ирину Викторовну и только потом выбирали аргумент.

После совещания Марина показала Александре рабочее место у окна.

— Антон рассчитывал вести архитектурную часть, — сказала она, включая компьютер. — Не принимайте его вопросы за личную неприязнь.

— А если она личная?

— Тогда пусть выражает ее в срок и по теме проекта.

— Разумно.

— Пароль смените при первом входе. Обед обычно кто как успеет. Кофе общий, молоко подписывают, потому что Илья выпивает любое.

Илья из-за соседнего стола поднял руку.

— Неправда. Овсяное я не трогаю.

— Потому что его никто не покупает, — ответила Марина.

До обеда Александра читала архив. Исходные планы датиновались 1968 годом, поздние перепланировки были нанесены частично. После закрытия кинотеатра помещения сдавали под мебельный склад, танцевальную студию и магазин бытовой техники. Каждый арендатор что-то добавлял: перегородки, кабели, вентиляционные короба. Документы на изменения сохранились не полностью.

В два часа Константин остановился у ее стола.

— Есть пять минут?

Они перешли в маленькую переговорную.

— Я должен предупредить, — сказал он. — Инвестор попросил заменить вас после публикации о помолвке.

— На каком основании?

— Репутационный риск и возможная передача данных «Северу».

— Что вы ответили?

— Что договор с консультантом относится к компетенции бюро. И что доступ ограничен.

— Вы решили оставить меня до подписания договора?

— Да.

— Почему сказали только сейчас?

— До подписи это было внутреннее решение. После — обстоятельство, которое касается вашей работы.

Ответ соответствовал процедуре, но Александра все равно почувствовала знакомое раздражение.

— В следующий раз сообщайте до того, как я подпишу документ, способный усилить чужой репутационный риск.

— Вы бы отказались?

— Не знаю. Я хочу получать возможность решить, а не правильный ответ после решения.

Константин внимательно посмотрел на нее.

— Принято. Инвестор вернется к вопросу после первой недели. Вам придется представить промежуточный результат лично.

— Это было в плане?

— Теперь есть.

— Тогда пришлите состав участников и критерии, по которым он оценивает результат.

— Запросим.

Он не стал объяснять, что защищал ее место, и не потребовал благодарности. Раздражение осталось, но не превратилось в долг.

Вечером Павел прислал письмо на личную почту. Тема: «Рабочее предложение». В приложении лежала концепция

реконструкции «Орбиты» от «Севера».

Александра не открыла файл. Переслала письмо Марине с пометкой: «Получено без запроса. Вложение не открывала. Прошу зафиксировать и сообщить порядок действий».

Марина подошла через минуту.

— Хорошо, что не открыли. Сохраним письмо в журнале конфликта. Ответите, что не можете получать материалы конкурирующей концепции.

— Подготовлю текст.

— Не нужно. Напишите своими словами и поставьте меня в копию.

Александра ответила Павлу: «Я участвую в проекте „Орбита“ на стороне бюро „Линия“ и не могу знакомиться с вашими материалами. Вложение не открывала. Дальнейшие вопросы по проекту направляй Марине Волковой, контакт в копии».

Павел позвонил сразу после отправки.

Она отклонила вызов и написала: «Только письменно».

Ответ пришел через пять минут: «Я хотел показать, что можно сохранить фасад и не тратить годы на чужую ностальгию. Ты делаешь из обычной работы войну».

Александра переслала сообщение в журнал и вернулась к планам.

На следующее утро команда приехала к «Орбите» в девять. Здание стояло между жилыми домами и небольшим сквером. Широкий козырек над входом потемнел от воды,

часть стеклянных дверей была закрыта фанерой. Над фасадом сохранились металлические буквы названия; две держались под углом.

У крыльца ждали представитель собственника и охранник с тяжелой связкой ключей. Перед входом Роман провел инструктаж: каски в технических зонах, по одному на лестнице к аппаратной, за ограждения не заходить, ничего не открывать без него.

В вестибюле было холоднее, чем на улице. Пахло сырой штукатуркой и старой тканью. Лучи из высоких окон ложились на пыльный пол. Там, где раньше стояла касса, виднелись следы демонтированной перегородки.

Александра достала блокнот.

— Фотографии только на служебную камеру, — напомнила Марина.

Антон выдал ей аппарат и планшет с планом.

— Начнем с главного зала, потом служебная часть.

— Сначала входной маршрут, — сказала Александра. — Иначе внутри не поймем, где теряем поток.

Он хотел возразить, но Константин уже пошел за ней к бывшему гардеробу.

Они двигались медленно. Александра отмечала перепады пола, узкие места, закрытые двери. Один из заявленных поперечных проходов действительно перекрывала легкая перегородка, но за ней обнаружился вентиляционный короб, установленный позже. Просто убрать стену было недостаточ-

но.

— Короб обслуживает магазин, которого больше нет, — сказал Илья. — Если трасса отдельная, демонтируем.

— Проверьте, не подключили ли к ней помещения второго этажа, — ответила Александра.

В главном зале сохранились ряды кресел, покрытые серыми чехлами. На потолке темнели пятна после январской аварии. Сцена была завалена листами фанеры и старой рекламой.

Роман не разрешил проходить под самым большим пятном и установил переносное ограждение.

— В отчете написано, что протечка локальная, — сказал Антон.

— Отчет составляли до января, — напомнила Александра.

— Весной собственник прислал дополнение.

— Где оно?

Марина открыла архив на планшете. Дополнение состояло из четырех фотографий и письма управляющего: воду удалили, помещение просушили, новых повреждений не выявлено.

Роман поднял фонарь. На боковой стене дорожка потемневшей краски опускалась почти до пола.

— Без доступа наверх они могли оценить только поверхность, — сказал он. — Нужен осмотр пространства над подвесным потолком.

Представитель собственника нахмурился.

— Вскрытие не согласовано.

— Тогда зафиксируем ограничение, — ответила Марина.

Александра прошла к последнему ряду. Оттуда был виден весь зал и две двери по сторонам сцены. На плане за правой дверью находился коридор к погрузочной зоне. Фактически дверь упиралась в склад сложенных кресел.

— Это можно убрать, — сказал охранник. — Сюда все сносили, когда арендаторы уезжали.

— За складом проход свободен? — спросила Александра.

— Был свободен.

— Когда?

— Года три назад.

Они записали необходимость расчистки и пошли на второй этаж. Лестница была сухой, но на площадке вздулся линолеум. В бывшей аппаратной часть оборудования демонтировали, часть оставили на металлических стеллажах. Из небольшого окна открывался вид на зал.

Александра сравнила высоту окна с разрезом на планшете.

— Здесь уровень пола выше, чем в исходном плане.

Антон подошел ближе.

— Подняли под кабельные каналы.

— В документах есть конструкция пола?

— Должна быть в перепланировке двухтысячных.

Он быстро пролистал папки и не нашел.

Роман присел у стены, где край покрытия отошел от плинтуса.

— Под настилом пустота. Пока не откроем участок, на грузку считать по старой схеме нельзя.

— Аппаратную хотели расширять под технический блок, — сказала Яна. — Если перекрытие потребует усиления, бюджет поедет.

— Он уже поехал, — ответил Роман. — Мы просто пока не знаем насколько.

Константин стоял у окна и смотрел в зал.

— Сколько времени на дополнительную программу?

— До вечера, — сказал Роман. — Но собственник должен дать доступ минимум на два дня.

— У нас нет двух дней, — возразила Яна. — В пятницу промежуточная встреча с инвестором.

— Тогда в пятницу покажем список неизвестных вместо красивой планировки, — сказала Александра.

Антон повернулся к ней.

— После этого он выберет «Север». Они принесут готовые картинки.

— Если мы нарисуем поверх непроверенной конструкции, картинки будут такими же готовыми и такими же бесполезными.

— Конкурс выигрывают не списком проблем.

— Проект потом строят не презентацией.

Константин прервал спор:

— К вечеру готовим два документа. Роман — обязательный минимум обследований с ценой и сроком. Александра и Антон — схема функций, которые не зависят от спорных зон, и перечень решений, отложенных до результатов. Яна считает резерв. В пятницу показываем инвестору не отсутствие концепции, а управляемый порядок.

Никто не выглядел довольным, но задачи стали конкретными.

На выходе Александра задержалась в вестибюле. На стене под несколькими слоями краски проступала тонкая линия старой надписи. Она не могла разобрать слово, только вытянутую букву и фрагмент цифры.

Константин остановился рядом.

— Нашли украшение для презентации?

— Нет. След прежней навигации. Если будем восстанавливать интерьер, нужно понять, что здесь было, а что люди просто привыкли помнить.

— Разница важна?

— Да. Память часто требует сохранить то, чего никогда не существовало.

— Опасная мысль для человека, который пришел спасать старый кинотеатр.

— Я пришла не спасать старое. Я пришла сделать так, чтобы здание снова работало.

Он посмотрел на нее дольше, чем требовал разговор, затем кивнул на выход.

— Тогда начнем с того, что не работает.

В офис они вернулись после двух. На почте уже ждало письмо от инвестора: расходы на дополнительное обследование он готов был рассмотреть только вместе с обоснованием до девяти утра четверга.

Александра сняла пальто, положила блокнот рядом с клавиатурой и открыла новый файл. В строке автора автоматически появилось: «Александра Ветрова, „Линия“».

Она убрала название бюро.

Оставила только имя и начала писать программу обследования.

Глава 5. Цена фасада

К девяти утра четверга программа дополнительного обследования была у инвестора. В одиннадцать пришло соглашение на локальные вскрытия и ограниченный резерв расходов. Собственник дал доступ на сутки — с восьми утра пятницы до восьми утра субботы. В девять тридцать в пятницу начиналась промежуточная встреча, поэтому первые выводы команда должна была получить ночью.

— Они всерьез предлагают нам обследовать здание и одновременно подготовить презентацию? — спросил Антон.

— Они предлагают не тратить еще неделю до решения, нужен ли им наш вариант, — ответила Марина.

— Если обследование подтвердит усиление, красивого варианта не будет.

Яна развернула ноутбук.

— Будет дорогой. Это не одно и то же.

Александра стояла у доски и отмечала задачи. Роман готовил инженеров и точки доступа. Антон собирал схемы функций, которые не зависели от состояния аппаратной и потолочного пространства. Яна считала три резерва: минимальный, вероятный и предельный. Константин договаривался, чтобы представитель инвестора приехал на объект до встречи и увидел вскрытия сам.

За три дня Александра привыкла, что в «Линии» никто

не ждал конца совещания, чтобы возразить руководителю. Не привыкла к тому, что ее собственное мнение не получало дополнительного веса из-за должности. Каждый пункт приходилось защищать заново.

Это утомляло и нравилось одновременно.

В четверг после обеда инвестор открыл для двух команд общий раздел данных. Уведомление пришло всем участникам. «Север» официально подал заявку на альтернативную концепцию. До окончательного сравнения стороны видели только одинаковые исходные требования и перечень заявленных отклонений, без чертежей друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.